

Глава первая

Пожалуй, несколько странно считать Гайд-парк¹ собственным задним двором, вот только для Джулии Миллер в этом не было ничего противоестественного. Девушка выросла в Лондоне и, сколько себя помнила, почти каждый день каталась в парке верхом: с самого первого пони, которого ей подарили, когда она была еще малышкой, и до последовавших за ним чистокровных кобыл. Знакомые и случайные прохожие приветливо махали ей рукой лишь потому, что привыкли к ее присутствию на аллеях парка. Все — от людей высшего света до продавцов из окрестных магазинчиков, спешащих через парк на работу, и садовников — относились к Джулии как к старой знакомой.

Высокая, светловолосая, модно одетая девушка всегда улыбалась или махала рукой в ответ. Дружелюбная по своей природе, она без труда располагала к себе даже незнакомых людей.

Тот удивительный факт, что Джулия считала этот огромный парк собственным местом для приятных конных прогулок, объяснялся положением, которое она занимала. Джулия выросла в аристократической части города, хотя ее семья не относилась к высшим слоям общества. Девушка жила в одном из самых больших особняков на Беркли-сквер, но

¹ Гайд-парк — королевский парк площадью 1,4 км² в центре Лондона. С запада к нему примыкают Кенсингтонские сады. Традиционное место политических митингов, празднеств и гуляний.

подобные дома были доступны не только аристократам. Ее семья обрела фамилию еще в Средневековье, когда ремесленники брали себе фамилии по профессии. В середине XVIII века предок Джулии был одним из первых, кто, выкупив участок, построил на нем дом, когда Беркли-сквер еще не приобрела свой теперешний вид, так что Миллеры² жили здесь не одно поколение.

Обитатели соседних особняков хорошо знали и любили Джулию. Ее лучшая подруга Кэрол Робертс принадлежала к аристократическому обществу. Она и познакомила девушку с другими знатными дамами. Кроме того, Джулия сошлась с ученицами частного пансиона, в котором училась. Ее часто приглашали на светские приемы. Хозяйки совершенно не опасались хорошенькой внешности девушки и немалого ее состояния, ведь едва ли не с колыбели Джулия была помолвлена.

— Вот уж не ожидала увидеть тебя здесь! — услышала Джулия знакомый женский голосок.

Кобыла Кэрол Робертс поравнялась с лошадью Джулии и легкой рысью затрусила рядом. Девушка улыбнулась, глядя на свою изящно сложенную темноволосую подругу.

— Это должна была быть моя реплика. В последнее время ты так редко катаешься верхом.

— Знаю, — вздохнула Кэрол. — Но Гарри сердится, когда я выезжаю, а тем более теперь, когда мы пытаемся завести нашего первенца. Мой дорогой супруг боится, что я могу потерять малыша прежде, чем мы узнаем, что я беременна.

Джулия и сама слышала, что верховая езда может привести к подобному исходу.

— Почему же сегодня ты рискнула?

— В этом месяце я уж точно не забеременела, — расстроено надув губы, сообщила Кэрол.

² Фамилия происходит от английского *miller* (мельник).

Джулия сочувственно кивнула головой.

— А еще, — добавила Кэрол, — мне так недостает наших с тобой прогулок, что я готова пренебречь мнением Гарри. К тому же на те несколько дней, когда у меня месячные, мы оставляем свои попытки.

— А еще его не было дома, когда ты уезжала? — предположила Джулия.

Кэрол рассмеялась, лукаво блеснув своими прекрасными голубыми глазами.

— Верно, и я вернусь до того, как он окажется дома.

Джулия не беспокоилась, что подруга посорится с мужем. Гарольд Робертс обожал свою супругу. Они познакомились и влюбились друг в друга еще до первого сезона Кэрол в свете, состоявшегося три года назад. Никто не удивился, когда они объявили о своей помолвке через пару недель после дебюта Кэрол и сочетались браком несколькими месяцами спустя.

Кэрол и Джулия всю жизнь были соседками. Их respectable дома на Беркли-сквер разделял лишь узкий переулок. Даже окна их спален, благодаря стараниям подруг, смотрели друг на друга. Таким образом, девушки, если в это время не были вместе у кого-то в гостях, могли постоянно переговариваться, не повышая голоса. Неудивительно, что они стали лучшими подругами.

Джулия скучала по Кэрол. Когда подруга жила в Лондоне, девушка часто навещала ее, но Кэрол уже не была, как ранее, так близко. Выйдя замуж, она перебралась в дом мужа, который от Беркли-сквер отделяло немало кварталов. А еще периодически они уезжали в фамильное поместье Робертсов и проводили там несколько недель. Гарольд предпочел бы, чтобы они жили там постоянно, но Кэрол была против. К счастью, Гарольд был не из тех властных мужей, которые не считаются с мнением своих жен.

Несколько минут подруги ехали рядом, но Джулия, пробывшая в парке уже около часа, предложила:

— Может, по дороге домой остановимся у чайной и полакомимся мороженым?

— Еще рано и совсем не жарко, чтобы есть мороженое. Зато я ужасно проголодалась. Признаюсь, я очень соскучилась по выпечке миссис Кейблс. Помнишь, как мы лакомились по утрам? У вас по-прежнему на завтрак устраивают фуршет?

— Конечно. С какой стати что-то менять, пусть даже ты вышла замуж?

— Беда в том, как ты знаешь, что Гарольд отказывается переманить вашу кухарку. Я столько раз умоляла его хотя бы попытаться, но тщетно...

Джулия расхохоталась.

— Он понял, что она ему не по карману. Всякий раз, когда кто-то пытается ее сманить, кухарка приходит ко мне, и я повышаю ей жалованье. Она знает, с какой стороны хлеб маслом намазан.

Джулии приходилось самой принимать подобные решения с тех пор, как ее отец Джеральд больше был не в состоянии этим заниматься. Мама, пока была жива, домашним хозяйством тоже не занималась. Никогда в жизни Хелен Миллер ничем не управляла, даже собственным домом. Эта кроткая женщина вечно боялась чем-то обидеть окружающих, даже собственную прислугу. Когда пять лет назад перевернулся экипаж, в котором ехали родители Джулии, ее мама погибла, а отец получил ужасную травму головы и на всю жизнь остался калекой.

— Как отец? — спросила Кэрол.

— По-прежнему...

Кэрол постоянно задавала этот вопрос, получая один и тот же ответ. Доктора в один голос твердили потрясенной Джулии, что ее отец никогда не будет прежним и ему несказанно повезло, что он остался жив. Семь переломов, полученных им в тот день, со временем срослись, а вот разум так и не вернул-

ся. Доктора были с ней предельно откровенны и не оставили Джулии даже призрака надежды. Они утверждали, что мужчина будет нормально засыпать и просыпаться, сможет даже есть, если его кормить с ложки, но ничего кроме невнятного бормотания она от отца больше не услышит. Повезло остаться в живых? Джулия часто засыпала в слезах, думая об этом.

Как бы там ни было, а Джеральд опроверг прогнозы докторов. Однажды, через год после несчастного случая, он вдруг ненадолго пришел в себя. С того времени это начало происходить регулярно, с перерывами в несколько месяцев. Отец ясно осознавал, кто он, где находится, помнил, что с ним случилось, но в первые несколько раз Джеральда охватывала такая сильная ярость и всеразрушающее горе, что периоды просветления трудно было назвать благом. Но он все же помнил! Каждый раз Джеральд вспоминал предыдущие периоды ясности своего сознания. Пускай всего на несколько минут или часов, но он вновь становился собой. Вот только долго это никогда не длилось. Он ничего не помнил из того, что происходило в периоды, когда сумрак застилал его сознание.

Доктора не могли это объяснить. Они вообще не ожидали, что их пациент будет приходить в себя. Они по-прежнему не советовали Джулии надеяться, что когда-нибудь ее отец полностью излечится. Доктора называли периоды просветления счастливой случайностью и всякий раз предупреждали Джулию, что это вряд ли произойдет снова. Вот только периоды просветления повторялись...

Когда отец в третий раз пришел в себя, он спросил дочь:

— Где твоя мать?

Сердце Джулии разрывалось от боли. Врачи советовали ей не расстраивать отца, если он когда-нибудь снова «очнется». Девушка понимала: нельзя рассказывать ему, что его супруга погибла.

— Она уехала за покупками. Ты... ты ведь знаешь, как она любит ходить по магазинам.

Отец рассмеялся. Нерешительная во всем другом, его супруга просто обожала делать покупки. Джулия все еще была в трауре, поэтому улыбка далась ей невероятно тяжело. Девушке пришлось сдерживать слезы, пока отца снова не поглотило серое королевство небытия.

Джулия обращалась за консультациями к разным докторам. Каждый раз, когда очередной врач отрицал вероятность полного выздоровления, девушка, распрощавшись с ним, находила нового. Со временем, впрочем, она смирилась и оставила последнего, доктора Эндрю, которому хватило смелости признать, что случай ее отца уникален.

Чуть позже, когда подруги уже сидели в столовой, где Миллеры имели обыкновение завтракать, Кэрол, которая несла к столу наполненную тарелку и большую корзинку с выпечкой, внезапно остановилась. Похоже, подруга наконец заметила в обстановке комнаты ее последнее приобретение.

— Господи! Когда ты успела? — воскликнула Кэрол, восхищенно глядя на Джулию.

Девушка взглянула на изысканно украшенную коробку, стоявшую на серванте с фарфором и привлекающую внимание подруги. На подкладке из голубого атласа, расшитого драгоценными камнями, за стеклом сидела премиленькая кукла. Джулия присела за стол, стараясь не слишком раскраснеться.

— Пару недель назад, — сказала она, взмахом руки приглашая Кэрол садиться. — Я познакомилась с человеком, который недавно открыл магазин по соседству с нашим. Он делает такие вот красивые коробки для хранения вещей, которыми люди дорожат. Мне не хотелось, чтобы кукла испортилась от времени, вот я и заказала для нее коробку со стеклянной крышкой. Сначала я не могла решить, куда ее поставить, тем более что в моей комнате и так много вещей, а теперь я уже привыкла к ней здесь.

— Даже не знала, что ты все еще хранишь куклу, которую я когда-то подарила тебе, — удивилась Кэрол.

— Конечно, храню. Она всегда будет моей самой большой драгоценностью.

Джулия не кривила душой. Куклой она дорожила не из-за ее стоимости, а просто потому, что высоко ценила их дружбу. Игрушка понравилась Джулии еще при первой их встрече. И когда Кэрол получила в подарок новую, то не отправила старую пылиться на чердак, а, вспомнив о подруге, застенчиво предложила куклу Джулии.

Кэрол покраснела при воспоминании о том дне, но тут же засмеялась.

— Ты тогда была таким маленьким чудовищем.

— Ну, я была не такой уж и скверной, — хмыкнула Джулия.

— Не преуменьшай. Ты скандалила, кричала, ругалась, требовала и обижалась. Помню, ты едва не разбила мне нос. Правда, мне удалось шлепнуть тебя первой.

— На меня это произвело впечатление, — усмехнулась Джулия. — Ты была первой, кто мне отказал.

— Не могла же я отдать свою любимую куклу первой встречной! Тебе вообще не полагалось меня об этом просить... Неужели тебе никто ни в чем не отказывал?

— Ни в чем. Мама была слишком слабохарактерной и робкой... Ну, ты ее должна помнить. Она всегда уступала мне, а отец был просто добряком. Он никому ни в чем не отказывал, тем более мне. Даже пони мне купили за несколько лет до того, как я, повзрослев, сумела на него усесться. Стоило только попросить!

— Ага! Теперь понятно, почему ты была таким несносным маленьким чудовищем до нашего знакомства. Безнадежно испорченная девчонка!

— Нет... ну, может, немного... Родители не могли проявлять необходимую для моего воспитания твердость, а гувернантка и слуги не осмеливались меня наказывать. Впрочем, до знакомства с женихом я не была тем ужасным существом, с которым тебе пришлось иметь дело. Это была взаимная ненависть

с первого взгляда. Я решительно не желала видеть его хотя бы еще раз, и тогда родители впервые проявили твердость. Можно сказать, что скандал, который я учинила, длился в течение нескольких лет, хотя и с некоторыми перерывами. Пока я не познакомилась с тобой, у меня вообще не было подруг, так что некому было объяснить, насколько глупо я себя веду. Ты помогала мне забыть о его существовании, по крайней мере, в промежутках между светскими визитами, на которых постоянно настаивали наши родители.

— Но ты, как по мне, после нашей первой встречи быстро переменялась. Сколько нам тогда было?

— Лет шесть, но перемены происходили куда медленнее, чем тебе сейчас кажется. Просто я старалась не устраивать при тебе истерик, всегда сдерживалась, за исключением тех случаев, когда в доме появлялся жених. Даже ради тебя я не могла скрывать неприязнь к нему.

Кэрол рассмеялась, но только потому, что Джулия при этом улыбнулась. На самом деле она хорошо понимала, что Кэрол не считает то, что происходило между ними, таким уж забавным. Порой ссоры с женихом перерастали в драки, а однажды она едва не откусила мальчишке ухо. Впрочем, в том была скорее его вина. Джулия познакомилась с женихом в пятилетнем возрасте. В самом начале девочка хотела с ним подружиться, но мальчишка разбил вдребезги все ее надежды своей резкостью и недружелюбием. Он явно не собирался мириться с тем, что эту невесту выбрали для него родители. При каждой их встрече жених доводил ее до того, что Джулии хотелось подскочить к нему и выцарапать глаза. Глупыш почему-то решил, что именно *она* должна разорвать помолвку, ненавистную им обоим. Джулия понимала, что его бегство из Англии обусловлено тем, что жених наконец догадался, что она так же, как и он, не в силах разорвать помолвку. Тем самым он спас их от брака, заключенного в аду. Теперь она, как ни странно, чувствовала благодарность к *не-*

му хотя бы за этот его поступок. Когда жених уплыл из страны навсегда, Джулия то и дело с досадой вспоминала, как дурно себя вела.

Девушка кивком головы пригласила приниматься за завтрак, ведь еда на тарелках уже начала остывать, но Кэрол сменила тему разговора:

— В субботу я даю небольшой званый обед. Ты ведь будешь, Джули?

Это прозвище приклеилось к ней еще в детстве, и даже отец Джулии привык к нему. Ей всегда казалось несколько странным, что ее прозвище такое же длинное, как и ее полное имя. Хотя не совсем: оно было короче на один слог, и, может, поэтому она никогда не возражала, когда к ней так обращались.

Джулия взяла пшеничную лепешку, но прежде чем укусить, взглянула на Кэрол.

— Ты, вероятно, забыла, что в этот день Идены дают бал?

— Нет, просто я надеялась, что ты одумаешься и откажешься от приглашения, — проворчала Кэрол.

— А я рассчитывала, что ты передумаешь и примешь их приглашение.

— Ни за что.

— Ах оставь, Кэрол, — принялась уговаривать подругу Джулия. — Я терпеть не могу таскать своего непутевого транжиру-кузена по светским раутам. Он, кстати, от этого тоже не в восторге. Стоит нам войти в парадную дверь дома, а он уже ищет черный ход, чтобы незаметно ускользнуть. Он никогда надолго не задерживается, но ты...

— Ему и не надо оставаться, — перебила подругу Кэрол. — Тебя и так всем представят. На балу ты ни на минуту не останешься одна. К тому же, брачный договор, который граф Менфорд держит где-то под замком, означает, что ты почти уже замужем, а посему дуэнья тебе уж точно не нужна... Господи! Извини, что подняла эту тему...

Джулия натянуто улыбнулась.

— Ничего страшного. Сама знаешь, тебе не обязательно миндальничать, когда речь заходит об этом. В прошлом мы часто над этим смеялись. Учитывая, как сильно мы друг друга терпеть не могли, олух, с которым я была помолвлена, сделал мне большую услугу, когда улетел из родового гнезда.

— До достижения брачного возраста ты именно так и думала, но теперь... Прошло уже три года. Неужели тебя устраивает положение старой девы в твоём возрасте?

Джулия расхохоталась.

— Так вот о чём ты беспокоишься? Ты забываешь, что я не из аристократической семьи, Кэрол. Подобные ярлыки мало что для меня значат. Куда важнее то, что я сама распоряжаюсь собственной жизнью. Ты представить себе не можешь, как это замечательно! Теперь все деньги и владения семьи официально принадлежат только мне... При условии, что этот прохвост не вернется.